

Послесловие.

Андрей Родин

Событие и форма: проект морфогенетической эпистемологии

1. Повторение

Что мы имеем в виду, говоря о повторении «того же явления», «того же эксперимента», «того же слова», «той же мысли» и в других подобных случаях? Поскольку речь идет о *повторении*, мы в каждом случае имеем дело по меньшей мере с двумя вещами (двумя событиями, «разами»), и в то же время в некотором другом смысле - только с одной вещью, а именно той самой вещью, которая каждый раз повторяется, например, с одним и тем же словом. Этот парадокс кажется чисто словесным и легко разрешимым. Предположим, я говорю слово «привет» и через некоторое время еще раз говорю «привет». Происходит два разных события, два разных речевых акта. Эти события происходят в разное время и, может быть, в разном месте. Однако у этих разных событий есть что-то общее, что позволяет нам считать, что в обоих случаях произносится *одно и то же слово*. То, что в данном случае слово повторяется одним и тем же человеком (мной), очевидно, не имеет отношения к делу: одно и то же слово с равным успехом может повторяться и разными людьми. Что же делает эти два события повторением одного и того же?

На этот вопрос, кажется, легче ответить, если вместо случая устной речи рассмотреть случай речи письменной. Я уже дважды употребил слово «привет» в этом тексте. (Если считать предыдущее предложение - то уже 3 раза.) Посмотрим на эти записи. Они состоят из одних и тех же символов, следующих друг за другом в том же самом порядке. Переходя к рассмотрению символов мы вынуждены *повторить тот же* вопрос: что позволяет нам говорить, что записывая, например, «пп» мы дважды повторяем *тот же* символ? Ответ на последний вопрос кажется очевидным: «п» и «п» имеют одну и ту же *форму*. Простота этого ответа на самом деле обманчива. Вот как выглядит *одна и та же* буква «п», напечатанная разным шрифтом (я использую более крупный кегль, чтобы были лучше видны различия).

П

П

Эти фигуры различаются по форме, а не только по положению, то есть их формы различны, хотя и похожи. Это незначительное различие формы обусловлено именно тем, что левое и правое «п» напечатаны разным шрифтом.

Если наша задача состоит в том, чтобы узнать в данной записи некоторую букву данного алфавита, мы игнорируем те различия, которые мы, наоборот, должны принять во внимание, если нам нужно узнать не только букву, но и шрифт, которым эта буква напечатана. Если нас интересует только буква, то мы скажем, что левое и правое «п» на рисунке выше имеют *одну и ту же* форму; если же нас интересует еще и шрифт, которым напечатана эта буква, то мы скажем, что форма левого и правого «п» разная.

Этот пример показывает, что *формой* буквы «п» или любого другого символа в разных случаях называются, вообще говоря, разные вещи. В этом смысле можно сказать, что «п» или любая другая вещь имеет не одну, а множество форм. Так что сказав, что записи «п» и «п» имеют *одну и ту же форму* мы еще не сказали ничего определенного, поскольку остается неясным, о какой именно форме идет речь. И все-таки это уже гораздо больше, чем ничего, поскольку, на последний вопрос можно искать и давать разумные ответы. Один из эффективных приемов уточнения понятия формы буквы «п», который можно применять и в других подобных случаях, состоит в том, чтобы переформулировать вопрос следующим образом: каковы допустимые *преобразования* записи «п», которые позволяют читать преобразованную запись по-прежнему как букву «п» кириллического алфавита? Если, например, «п» перевернуть, то полученная запись уже не будет читаться как «п», но если «п» только слегка наклонить, как это делается при записи курсивом, то это будет по-прежнему «п». Если речь идет не просто о букве кириллического алфавита, но о букве, напечатанной данным шрифтом, то класс допустимых преобразований будет уже другим (очевидно, он будет подклассом предыдущего). Читатель, знакомый с математикой, конечно, понимает, что такая

переформулировка позволяет применять теоретико-групповые и другие мощные алгебраические методы для решения данного вопроса.

Заметим еще, что допустимые преобразования, о которых здесь идет речь, естественно понимать как *повторения*: преобразуя «п» в «п» или в «П», я повторяю ту же букву. Таким образом можно сказать, что знать характер повторения данной формы достаточно для того, чтобы определить эту форму. Тем не менее традиционная точка зрения, восходящая к Платону состоит в том, что формы (или пользуясь принятым русским переводом платоновского термина - идеи) являются в некотором смысле первичными по отношению к такого рода повторениям (или говоря старомодным языком - воплощениям). Жиль Делез в книге «Различие и повторение» предположил, что дело обстоит скорее наоборот. В частности, Делез подверг критике обычное понимание повторения как повторения «того же самого», на том основании, что такое понимание повторения уже предполагает это «то же самое» (то есть форму) как заранее данное. Как бы не решать этот метафизический спор, тесная связь понятий повторения и формы остается очевидной.

Итак, мы свели вопрос о тождестве записанных слов к вопросу о тождестве букв, из которых состоят эти записи, и их порядков. То, что порядок это в свою очередь некоторая форма, которая может быть описана, не кажется проблематичным. Меня сейчас больше интересует вопрос о том, что такое запись. В случае печатного текста под записью можно понимать кусок бумаги с нанесенной краской. В случае электронного текста такого рода представление уже вряд ли имело бы смысл. Если текст размещен в Интернете, трудно указать на определенный материальный объект, который можно считать записью этого (и только этого) текста.

Естественный выход из этой ситуации состоит в том, чтобы считать запись не объектом, а событием - конкретным событием записывания текста. События чтения тоже, конечно, необходимо принимать во внимание (отличая их от событий записи). Такой подход является общим и одинаково применимым как к печатным, так и к электронным текстам. Он также применим к устной речи, которая состоит из событий высказывания и выслушивания. На самом деле, раскрашенную бумагу можно считать текстом (записью) только в том случае, если эта бумага

используется в качестве текста, то есть если кто-то, раскрасив бумагу, таким образом что-то записал, чтобы кто-то (другой или сам автор) смог эту запись прочесть. Когда мы говорим о записи (или чтении) как о событии, эта функциональная сторона дела принимается во внимание, а когда пытаемся отождествить записи с объектами - нет.

Строго говоря, повторяться могут события, а не объекты. Когда говорят о повторении символа, имеют в виду повторение событий *употребления* символа при письме и/или повторение *восприятия* символа при чтении. Если вспомнить теперь то, что было сказано выше о связи понятий повторения и *формы*, то нужно сделать вывод, что если речь идет о повторении, общую форму нужно приписывать именно событиям, а не объектам. Такой *юмовский* подход, между прочим, хорошо согласуется с распространенным взглядом (опирающимся на современные физические теории), согласно которому объекты представляют собой совокупности особым образом локализованных подобных событий (4-х мерная онтология).

Следующий пример показывает, что характер повторения событий может иметь эпистемологическое значение. Если школьник будет дословно повторять доказательство теоремы, данное учителем или прочитанное в учебнике, учитель будет иметь веские основания усомниться, *понимает* ли ученик то, о чем говорит. Воспроизведение *рассуждения* требует повторения другого типа, нежели буквальное повторение. С другой стороны, буквальное повторение может быть адекватно, например, для литературного текста.

В более сложных ситуациях повторение может быть очень нетривиальным и означать подлинные научные открытия или даже научные революции: в качестве примера можно указать на перевод евклидовой геометрии с античного «синтетического» языка, на новый язык «аналитической» геометрии, совершенный Декартом и его последователями. Этот пример показывает, что крупные научные открытия и даже научные революции могут осуществляться в виде расширения группы допустимых преобразований, которая определяет, что именно в данном случае считается «повторением».

2. Морфогенез

Формы любого рода являются предметом анализа формальных дисциплин, в частности формальной логики и онтологии. Однако такой анализ не касается двух важных вопросов о *событиях*: во-первых, вопроса о событиях, формы которых подлежат анализу (коммуникативные акты, единичные измерения, мысленные события восприятия и узнавания), и во-вторых, вопроса о событиях, которые происходят с самими анализируемыми формами, а именно вопроса о том, как формы возникают, изменяются и разрушаются, то есть вопроса о *морфогенезе* в широком смысле этого термина. Разработка первого вопроса имеет солидную философскую традицию, восходящую по меньшей мере к Юму, которая продолжает активно развиваться и в наше время (в частности, в теории речевых актов). Однако второй вопрос до сих пор остается мало исследованным. Трудность проблемы морфогенеза для всей классической европейской философской традиции состоит, по-видимому, в том, что эта проблема вообще не может быть поставлена в рамках жесткого различия вечного (или безвременного, timeless) и временного. Морфогенез невозможен ни в платоновском мире вечных идей, где формы вечны и неизменны, ни в гераклитовском потоке, где вообще нет никаких устойчивых форм. Простое соображение о том, что формы могут быть относительно устойчивыми и долгоживущими, но при этом все же не быть вечными, оказывается очень трудным для философии и вообще для теоретического мышления, если принять его во всей общности. На то, что эта трудность не является только старым предрассудком, представляющим интерес исключительно для историков, указывает, например, тот факт, что логический анализ естественных и искусственных языков, который стал одним из главных методов философской работы в рамках Аналитической традиции, практически не учитывал того обстоятельства, что языки (в первую очередь - естественные) непрерывно развиваются, изменяются, рождаются и исчезают. Эту трудность нельзя преодолеть, если считать, что формы оформляют события, но что события при этом над формами не властны, и что с формами ничего произойти не может.

3. Эпистемология

В работе Тома предлагается реалистическая трактовка понятия формы. Я попытаюсь кратко наметить эпистемологические следствия такого подхода. Устойчивому характеру многих природных форм, например, биологических видов и отдельных организмов, соответствует устойчивый характер дискурса об этих природных объектах. Однако в долгосрочной перспективе природные формы кажущиеся вечными и неизменными меняются, развиваются, возникают и исчезают так же как и их субстраты. Несмотря на то, что изменчивость природных форм возбуждала научное любопытство по крайней мере со времен Аристотеля, только открытие Дарвином биологической эволюции, то есть изменчивости биологических видов, привело к эволюционистским взглядам на саму науку. Тем не менее на сегодняшний день эволюционная эпистемология остается по большей части связанной скорее с историей науки, чем с наукой в собственном смысле слова. Тогда как формальная логика во многих случаях обогатила науку и особенно математику новыми важными идеями и средствами, попытки Гегеля и его последователей развить «диалектическую логику», способную совладать с постоянно меняющейся наукой, остались по сути невостребованными научным сообществом, и хуже того, были использованы для обоснования идеологических манипуляций с наукой в Советском Союзе.

Идеи морфогенеза и локальной устойчивости форм позволяют в некотором смысле совместить картины неизменного и развивающегося знания. Чтобы знание продолжало существовать в прежнем или новом виде должна воспроизводиться некоторая форма этого знания. Характер этого воспроизведения связан с воспроизводимой формой и может быть очень разным - от догматического повторения старых образцов до научных революций. Нужно говорить не только о воспроизводимости экспериментов и наблюдений, но и о воспроизводимости фактов, моделей и теорий, различая при этом разные способы такой воспроизводимости и оговаривая условия (границы) устойчивости этой воспроизводимости, в том числе и пространственно-временные. По-видимому, о воспроизводимости и пределах устойчивости нужно говорить даже в случае фактов

об уникальных событиях (исторических фактов), а сам вопрос об уникальности событий должен быть заново пересмотрен. Только устойчивая воспроизводимость позволяет говорить о форме в собственном смысле слова - хотя такая устойчивость может быть, вообще говоря локальной, а соответствующая форма - временной.

Если пользоваться парой событие-форма, которую мы ввели выше, то неустойчивые, переходные формы нужно отождествить с событиями.

В том, что мы можем устойчиво говорить об уникальных событиях, следует, наверное, усматривать явление «стабилизации порогов», о котором говорит Том.

Если допустить, что всякая форма предполагает множество событий, попадающих под эту форму, то такую стабилизацию нужно признать явлением очень общего характера - не менее общего, чем «дестабилизацию» формы, ответственную за морфогенез.

Человеческое познание складывается из множества познавательных событий и актов. Эта множественность познавательных событий обуславливает устойчивость и морфогенез понятий. Нет никаких оснований вслед за Кантом считать, что только жестко заданные общие формы этих событий делают науку возможной.

Если форма жестко задана, то невозможно даже поставить вопрос об ее устойчивости, то есть невозможно отличить форму от события. Занимаясь формами и игнорируя события, мы упускаем по меньшей мере половину реальности.

Таким образом, морфогенетический подход Тома открывает перед эпистемологией новую перспективу, которая, как мне кажется, заслуживает детального анализа и разработки.